

Внутри квартиры сильно пахло свежей краской. Курама задержался в дверном проёме на полпути между деревянным полом у входа и поблёкшим ковром в коридоре. Он скосил глаза на ключ в своих руках. Тот выглядел непропорционально большим рядом с его тонкими, костлявыми пальцами – металл бледный, края острые, подвешенный на кожаный шнурок.

— Рама, здесь есть кровать! — радостно прокричало отродье изнутри. — И две комнаты! И эта штука, плита!

Курама не мог поверить, что он полчаса шёл по способной вызвать тепловой удар летней погоде и поднялся по пяти лестничным полётам ради этого.

Он тронул носком ноги огромную сумку с книгами, оставленную прямо у входа. Детективный роман, который он читал, лежал корешком кверху рядом с его коллекцией фотографий пейзажей. Вероятно, АНБУ собрали все вещи для переезда, пока Курама просыпал это утро в тени жалкого внутреннего двора, и эта мысль заставила Кураму рефлекторно нахмуриться. Маленькие убудки в масках вечно трогали его вещи.

Он ещё раз оглядел квартиру.

Это было не самым удивительным развитием событий, подумал Курама, вероятно, стимулированным тем, что отродье засунуло фиолетовый пищевой краситель в душевые системы приюта на прошлой неделе. Это просто не было приятным развитием событий. Для начала, квартира располагалась на пятом этаже. Потом всё придётся переорганизовывать. Проклятый Человек-Обезьяна, по идее, должен был устроить знакомство с местом, но оказался вызван АНБУ вскоре после их прибытия, и теперь остались только отродье и Курама. И ещё Зяблик, который был одним из клана насекомых и обладал раздражающе жужжащей чакрой, но не то чтобы Зяблик при этом что-либо делал.

Послышался стук, приглушённый грохот, звук воды, текущей из шаткого крана. Вновь зазвучал голос отродья, в этот раз на два тона выше прежнего и ещё громче:

— И ванна-а-а!

Всё, что хотелось Кураме – это сесть где-нибудь и немного поспать. Почему это было так недостижимо.

— Ладно, болван, — нахмурился он, шагая мимо сумки с книгами. — Я иду.

К его неудовольствию, запах не высохшей краски стал сильнее, когда Курама зашёл внутрь. Причина была в стенах. Они были воздушными и девственно-белыми, не соответствующими испещрённым полосами серым приюта или даже грязно-бежевым, которые были в квартире у Узумаки Кушины. Деревянные панели скрипели под ногами Курамы. Внутри квартира была маленькой, но мебелированной, с плитой, установленной над духовкой, гостиной, содержащей в себе диван, низкий столик и коренастый телевизор; дальше по короткому коридору находились

три двери в различных степенях открытости. Курама сунул голову в первую из них и обнаружил отродье в ванной, стоящее по голень в воде.

— Она такая тёплая, — восхитилось отродье. Оно засунуло свою руку под кран. Его штаны были закатаны до колен, половина его мокрых волос прилипла к черепу, перед его футболки был промочен насквозь.

— Если ты дашь ей переполниться... — Курама с сомнением уставился на уровень воды.

— Ага-ага-ага, я не дам, — перебило отродье, прежде чем потянуться вверх и завозиться с вентилями. Насадка для душа затрещала, издала кашляющий, булькающий звук и выпустила наружу шипящий поток воды.

Идиотское отродье Кушины издало визг, напоминающий крик кота, которому наступили на хвост, и Курама получил брызгами воды по лицу. Вслепую потянувшись, он повернул вентиль. Потом моргнул. Раз, другой, с яростью, чтобы избавить свои глаза от неожиданного вторжения воды. Он скосил глаза и обнаружил отродье весело ухмыляющимся ему и теперь полностью промоченным, поднимающим свои руки, чтобы сделать что-то, без сомнения, глупое.

— Эм, нет, — Курама вернулся в коридор.

Неважно. Чистая ванная комната. Она, вероятно, довольно скоро станет затопленной ванной комнатой, но чистой. Это было улучшение.

Две другие двери, когда он отправился исследовать их, привели в маленькие спальни, одна чуть больше другой. Первая имела установленную кровать, самую большую из всех, которые Курама видел за четыре года, со свежестырытым постельным бельём и подушками, сложенными стопкой у изголовья. Прямо над ним было окно, обрамлённое синими занавесками. Груды коробок были беспорядочно расставлены вокруг, предположительно полные принадлежащих Кураме и отродью ношенных, порванных и порой облюбованных вещей.

Кровать была чистой и слегка пахла мылом; она выглядела очень соблазнительно. Четыре вечера было его установленным временем для тихого часа, и Курама уже давно просто сдался, когда дело касалось сна. Что есть, то есть. С этим совершенно ничего нельзя было сделать.

Однако сначала он проверил вторую комнату. Пустые, голые полы. Пыли не было.

Тогда он отправился в ванную, бросил ледяной взгляд на отродье, перекрыл кран, потому что вода действительно грозила выплеснуться из ванной — что привело к обиженно проскуленному "Рама!" со стороны отродья, после чего проследовал обратно наружу. Он не спеша протащил свою огромную и жутко тяжёлую сумку с книгами в гостиную. Потом он закрыл входную дверь, убедился, что отродье не включило воду в ванной опять, и забрался в прекрасную новую кровать.

Мягкость. И тепло. Курама накрылся одеялом с головой, позволяя темноте успокоить его мигрень. Жара, физические нагрузки и разговор между отродьем и Человеком-Обезьяной – хотя, в основном, жара и нагрузки – привели к тому, что начало одной такой устроило себе гнездо в его черепе с режущей мстительностью. Курама ни в малейшей степени не наслаждался головными болями, так что, разумеется, головные боли наслаждались, мучая его. Всё это было ужасно и совершенно раздражающе.

Одеяло было очень мягким. Курама свернулся калачиком вокруг подушки и погрузился в сон.

***

Квартира, когда Кураме удалось временно убрать подальше большую часть своей детской раздражительности и посмотреть на неё объективно, оказалась очень хорошим новым местом жительства. Чистая, недавно покрашенная, меблированная и большая – по крайней мере, по сравнению с маленькой комнатой, в которой Курама застрял ранее – она была огромным улучшением по сравнению с приютом. Здесь была настоящая кровать, полки, на которых можно было хранить обширную коллекцию кураминых книг, холодильник для данго, пудинга и мороженого, и, что очень немаловажно, чистая ванная комната. Гигиена была приятной, но не особенно преобладала в пространстве, наполненном кричащими детьми и низкооплачиваемыми работниками.

Это продлилось три дня. Курама организовал свои книги, съел свои засахаренные фрукты и практически не вылезал из кровати. Между делом он пытался расширить радиус своих сенсорных способностей, прочёсывая жилые районы деревни и тыкаясь за них. Тем временем, отродье носилось снаружи, исследуя, и, к его чести, попыталось вытащить Кураму вместе с собой только однажды.

Вечером третьего дня начали появляться проблемы.

— Я голодный, — проныло отродье, десятый раз за пять минут. — Рама, я голодный.

Курама внимательно посмотрел на него поверх своей книги. Решение звучало весьма очевидно.

— Тогда пойд и съешь что-нибудь.

— Я съел. Я всё ещё голодный.

— Тогда съешь ещё.

Пережат привёл его к месту, где свернулся Курама. Маленький засранец отпихнул в сторону книгу, которую Курама выставил между ними, его рот скривился в недовольной гримасе.

— Я съел! Там больше нечего есть!

— Там всегда что-нибудь есть.

Отродье скорбно плюхнулось на пол.

— Не-а. Я даже прикончил печенье, так что ничего не осталось.

Курама замер.

— Ты что.

— Все печеньки, — грустно подтвердило отродье, что было последним, что хотелось услышать Кураме. Секунду спустя оно, похоже, осознало свою ошибку – или, по крайней мере, заметило то, что было, без сомнения, пугающим выражением на лице Курамы – потому что оно замерло, перекатилось за пределы досягаемости и принялось уместным образом бегать глазами. — Упс?

— Ты съел всё печенье, — произнёс Курама, низко и опасно. Он почувствовал, как его ногти впиваются в ламинированную обложку его книги.

— Эм-

— Совсем всё?

— Мо-о-ожет бы-ыть, — сказала отродье, растягивая гласные. А потом оно было уже не в кровати, шаги постукивали по полу, мчась через приоткрытую дверь спальни размытым пятном, которое бы не казалось не на своём месте во время телесного мерцания, даже когда Курама выпутался из своего массивного кокона одеял и яростно помчался следом.

— МЕРЗАВЕЦ!

***

В общем, по всей видимости, существовала очень хорошая причина, по которой человеческие дети оставались с надзирающими взрослыми, пока им не исполнялось хотя бы десять.

Прежде всего, их нужно было кормить и мыть, что на практике было несоизмеримо более трудоёмкой задачей, чем Курама мог бы ожидать. В приюте обо всём заботились за них. Три приёма пищи в день. Ванные дважды в неделю. Стирка вечером каждого понедельника. Теперь надзирательницы не существовало, и всё это ложилось на них одних, или, если быть точнее, то

на Кураму, поскольку у отродья были мозги контуженного лемминга.

Первое – еда. Людям требовалась еда. Она была необходима для их продолжительного выживания.

Тремя единственными состояниями, которые имело отродье относительно еды, были сытое, ноющее и мёртвое. Если оно не было сыто, оно ныло, и если оно не ныло, то оно было мертво. Или потому, что оно умерло от голода, или потому, что Курама собирался выкинуть его в окно, прежде чем нытьё вынудит его прибегнуть к убийству. После того, как он уже выдержал четыре года этого смехотворного, унижительного фарса, он бы ни за что в жизни не позволил отродью умереть от чего-либо, кроме рук Курамы.

В свете всего этого, смысл маленького коричневого конверта, полного купюр, неожиданно стал намного понятнее. Деньги теперь были вещью, которой Кураме, судя по всему, следовало научиться пользоваться.

Они пошли на рынок.

Курама схватил отродье за руку и мрачно протащил маленького засранца по пяти лестничным пролётам, пошатываясь, но, к счастью, не спотыкаясь, и к последнему пролёту он просто сдался и пробежал остаток пути вниз. Ему совсем не нравилось выходить наружу или вообще что-либо, в принципе связанное с длинными дистанциями. Бесплезная оболочка Курамы имела такую же предрасположенность к физическим нагрузкам как рыбы – к лазанию по деревьям, то есть, иными словами – никакую, и, как и следовало ожидать, к тому моменту, как они пришли на рынок, Курама опасно пошатывался и чувствовал себя весьма плохо. Позади его глаз нарастала головная боль.

— Хочешь, я тебя понесу? — спросило отродье, косясь на него.

Курама издал придушенный хрип в ответ.

Отродье выглядело совершенно нормальным. Равнодушным к солнцу, проклятой ходьбе, шуму и запаху. Курама мстительно ткнул его локтем.

Потом Курама расправил свои плечи, выпрямился во весь свой крошечный и унижительный рост, напялил на лицо хмурую гримасу и зашагал вперёд. Толпа, прежде возвышающаяся как секвойные леса перед ничтожным диким зверьком, расступилась. Люди сильно старались, чтобы убраться с пути Курамы. Это было вещью, которая не менялась вне зависимости от того, как он выглядел, что было приятно.

К сожалению, это не помогало самому процессу закупок. Торговцы продолжали притворяться, что Курамы не существует, и Курама, в котором было чуть больше полуметра роста, ещё более низкий и маленький, чем отродье, с тонкими как палки конечностями и без каких-либо мышц, не мог ни видеть товары на прилавках, ни приподнять себя, чтобы увидеть товары на

прилавках. Он много и яростно шипел, что продавцы притворялись не слышать. Он очень хотел их укусить. А потом отродье снова начало со своим "Я голо-о-одный", так что Курама кинул четверть денег в его белобрысую голову и сказал ему пойти к человеку с лапшой, прежде чем он совершит оправданное убийство.

Десять минут спустя отродье вернулось с тремя пластиковыми контейнерами, полными лапши, и несколькими палочками данго в картонной коробке. Курама так ничем и не смог обзавестись, кроме растущего желания начать тренировать свои короткие руки с помощью кидания камней. Желательно в головы. Люди пахли враждебностью и страхом, что было бы приятным, если бы Курама не потратил последние полчаса на ходьбу и не испытывал желания пырнуть солнце в лицо за эту головокружительную жару.

Впрочем, он хотел пырнуть в лицо всё подряд, так что это не было особенно значимым показателем.

Курама громко зарычал на продавца овощей, скаля зубы. Чакра мужчины скакнула.

Тем не менее, он отказывался смотреть Кураме в глаза или вообще куда-либо в его общем направлении. Курама пнул его тележку.

Что, во имя Отца, он здесь делает? Верно. Кушиново проклятое отродье. Которое ело в пять раз больше, чем Курама или любой нормальный человек, учитывая, что он затянул в себя пятнадцать упаковок лапши быстрого приготовления за какие-то три дня. Вместе со всем кураминим печеньем.

Он бросил обиженный взгляд на отродье.

— Они никогда ничего не продают, — сказала отродье тоном, которое оно, вероятно, принимало за театральный шёпот. Это не был театральный шёпот. Пластиковый пакет из-под еды на вынос был брошен на землю и оно хлебало свою вторую миску рамена. Выброшенная упаковка от первой валялась под его ногами. Оно предложило Кураме данго, зажатое подмышкой.

— Я осознаю это, — процедил Курама, после чего кровожадно впился зубами в один из сладких, восхитительных шариков.

Его голова гудела. Солнце было слишком ярким. Пыль забивалась в его глаза и рот, отвратительный запах рыбы - в его ноздри, и он снова чувствовал себя уставшим, обиженным и в ужасном гневе. Курама пропустил руку через свои волосы, глядя на яркие пряди, падающие на его глаза. Он бросил хмурый взгляд сквозь свою чёлку на то, как отродье каким-то образом проедало свой путь через третью миску лапши.

Куда, чёрт побери, это всё девалось. Конечно, отродье было крупнее Курамы, но не настолько сильно. Недостаточно, чтобы быть причиной такого потребления пищи.

Ладно. Очевидно, это не работает.

Курама съел своё данго, разрывая сладкое, упругое рисовое тесто, оставляя следы зубов на деревянной шпажке. Он окинул взглядом рынок и вдохнул едва прикрытые страх и ненависть. Он оценил свои ресурсы.

Настало время плана "Б".

Первое, что он сделал после того, как притащился обратно в свою квартиру, это написал список вещей. Самый верх списка был рассортирован согласно его приоритетам, туда были записаны важные вещи вроде конфет, торта и мятно-шоколадного мороженого. Потом он вписал три самых нравящихся отродью вкуса лапши быстрого приготовления, с пометкой "покупать оптом". После этого Курама на секунду застыл. Он напряг свой мозг, продираясь сквозь размытые воспоминания о принадлежащей Кушине в подростковые годы крошечной квартирке, пытаясь вспомнить, какими были необходимые пункты для "как жить самому по себе, джинчурики для чайников". Яйца, написал он, думая в первую очередь о холодильнике, поскольку, когда у отродья неизбежно закончится рамен, Кураме потребуется буфер для своих сладостей. Молоко, хлеб, рис, картофель, курица, оленина, морковь. Закуски. Потом он перешёл к прочим предметам быта. Мыло. Чашки. Зубная паста. Миски. Тарелки. Палочки для еды.

Там было ещё много других вещей. Квартира Кушины теперь, когда Курама играл в "я гляжу" внутри своей головы, содержала в себе множество вещей. И все они были, если подумать, весьма важны в том или ином ключе. Каким-то образом. Потому что люди были, вероятно, наименее эффективным видом, известным мирозданию.

Два дня спустя Щенок зашёл в гости, и Курама ткнул список ему в лицо вместе с конвертом с пособием сразу же после того, как получил свой обязательный пакет с конфетами.

— Иди купи! — потребовал он.

Щенок открыл конверт с пособием, заглянул внутрь, а затем развернул список. Его сигнатура чакры пошла озадаченной рябью.

— Иди купи! — нетерпеливо повторил Курама. В прошлом Щенок показал себя способным следовать по крайней мере простым инструкциям. Курама даже написал для него всё необходимое, совершенно чётко. Почему это было так сложно.

Он издал звук, который мог бы прозвучать от выкипающего чайника. Щенок посмотрел на него, потом на обстановку квартиры. Он слегка потряс список в воздухе. Может быть, его последняя миссия перекрутила мозги, которые были у Щенка в голове.

Щенок ткнул в список. Потом на себя жестом, спрашивающим "я?".

Курама издал полный отвращения звук.

— Очевидно.

Когда Щенок ушёл, он сделал это в вихре листьев и ветра, от которого волосы Курамы попали ему в рот.

***

Вечером, впрочем, Курама зашёл в гостиную и увидел, как отродье пытается покрасить пальцами волосы Щенка в неистовый фиолетовый; кляксы синего и зелёного уже были на его руках и краях надетой на Щенка маски. На столе разноцветной россыпью стояли керамические чашки. Курама заглянул в холодильник и обнаружил его переполненным, с зеленью и овощами, сваленными в кучу поверх друг друга, молоком и яйцами, сложенными вместе, морозилкой, полной рыбы и замороженного хлеба. И главный приз всего этого начинания – торт, аккуратно поставленный на нижнюю полку, рядом с упаковкой апельсинового сока. Курама пристально осмотрел него. Он достал его из холодильника и аккуратно поставил на пол.

План "Б", без сомнения, был успешен. Переложить задачу на Щенка, в конце концов, было лучшим из вариантов.

Курама ел руками, размазывая крем, желе и шоколад вокруг своего рта. Он прикончил четверть, после чего запрыгнул на стул и отмылся в раковине, прежде чем положить остаток торта обратно в холодильник. Щенок и хихикающее отродье были заняты борьбой за столом, и Курама закатил глаза от их вида. Он залез на диван. Часом позже отродье присоединилось к нему, как обычно, растянувшись на диване, наконец устав достаточно для того, чтобы прикорнуть.

Щенок погладил голову отродья, заработав тихое "И-ну". Он погладил голову Курамы, и, учитывая торт, Курама был в достаточно хорошем настроении, чтобы просто проигнорировать, вместо того, чтобы прибегнуть к более активным методам противодействия. Тёплый комок зарылся в его бок. Курама дёрнулся, когда тихий вздох отродья защекотал его рёбра.

Щенок слегка помахал Кураме на прощанье. А затем – смещение чакры, мерцание в воздухе – огромный белый леденец занял место Щенка на диване.

***

Что было хорошего в квартире, так это то, что в ней была ванная комната с единственным и матовым окошком. Таким образом, если АНБУ не прижимались к стеклу вплотную – а Курама

бы точно знал, если бы они прижимались – он был надёжно защищён от чужого подглядывания. Наевшись торта и проснувшись от особенно долгого послеобеденного сна, Курама дождался, пока дыхание отродья не выровнялось до лёгкого, свистящего храпа. Он проверил месторасположение АНБУ, сидящего в квартире неподалёку, прежде чем аккуратно скатиться с дивана, тихо переставляя ноги на своем пути до ванной комнаты.

Пора было действительно этим заняться. И лучше днём, чем ночью, потому что ночью легионы АНБУ всегда возрастали числом. Раньше было лишь полное отсутствие секретности, приходящее вместе с полным отсутствием приватности, но теперь...

Курама толчком пятки закрыл за собой дверь. Плитки пола были холодными, гладкими и скользкими под его голыми ногами. Он схватился за крошечную каменную стойку, подтягивая себя вверх и нащупывая выключатель на стене. Раз, два, он щёлкнул, и поток водянисто-жёлтого света залил комнату.

Курама спрыгнул обратно на пол, достал блокнот и карандаш, который спрятал в шкафчик, потом сел на пол. Держа карандаш в одной руке, второй он задрал свою футболку.

Кожа на его животе была бледной, с оливковым оттенком. Он был крошечным. Всё в нём было крошечным. Кураме, вероятно, потребуется столетие, чтобы привыкнуть к существованию в человеческом теле, и он не собирался ждать столетие. Эксперимента ради он потыкал свой живот пальцем, и мягкая плоть поддалась даже без символического сопротивления.

Здесь, предположительно, должна была находиться печать.

Мягкое движение чакры, вихрь в его животе, толкающий и кружащийся колесом под кожей. Через мгновение проявились паутинки чёрных чернил. Сначала просто змеящееся щупальце, ярко выделяющееся на фоне бледно-оливкового, затем оно расширилось во все стороны в извилистом, лабиринтоподобном узле изгибающихся символов и линий. Классическая спираль Узумаки располагалась по центру. Баланс и русло, направляющее поток энергии и соединяющее остальные символы в нечто стабильное.

Прищурившись, Курама сбросил с себя футболку ради более полной картины. Он открыл новую страницу в своём блокноте и принялся перерисовывать... как бы эта печать ни называлась. Основой была специальная, принадлежащая Узумаки печать Восьми Триграм, без сомнения, это он мог сказать с первого взгляда. Однако туда был добавлен другой слой, перенаправление всех тех усиливающих и связывающих букв, которые Кушина хлопнула сверху в последний момент.

Печать была... запутанной.

Печатам Намиказе была свойственна определённая деликатность, они были тонко настроены и подробны. Они были прекрасны, сложны и, по всей видимости, как правило содержали полдесятка дополнительных функций, встроенных внутрь. Стиль Кушины отличался, но её печати обычно были чистыми и прочными. Прямолинейными. То, что было нарисовано на

странице, не было ни в малейшей степени чистым. Вместо этого все отдельные части были соединены вместе совершенно беспорядочным образом: там была часть для удержания рядом с усилением и линия, соединяющая два противоположных сектора, которые действительно не должны были быть вместе.

Кушина весьма буквальным образом создала печать в пелене ужаса и отчаяния последнего момента. Как она вообще работала, вместо того, чтобы взорваться ей в лицо, было вне понимания Курамы.

Он скопировал её в блокнот. Ему потребуется большой лист бумаги, без сомнения, подумал он, грызя приделанную к карандашу стёрку. Там были части, тонкие и крошечные, с миниатюрными символами, сливающимися между собой, которые Кураме нужно будет позже нарисовать крупнее и детальнее. Ему не нужно будет узнавать, что все они означали, впрочем. Только важные части. Только то, что вызывает разделение между его сознанием и его чакрой. Только столько, сколько нужно, чтобы узнать, как разорвать стену между ними.

Очень осторожно Курама закрыл блокнот и поместил его в самую глубину шкафчика, пряча его в тонкой щели между деревом одного разбитого на части пространства и другого. Взгляд на другие шкафчики показал, что Щенок так же купил стиральный порошок и стопку твёрдого мыла, и Курама переложил их на соответствующую полку. Он запихнул их внутрь, кое-как организовав. Потом он закрыл дверь шкафчика, помыл руки и ушёл прочь.

Отродье всё ещё спало на диване. Судя по свету в небе, время клонилось к закату, и линия горизонта была затенена другими, бледно-розовыми и приглушенными жёлтыми. Курама сделал шаг и почувствовал, как его пульс ускоряется, стук стук стук как марафон, нервный, настороженный, и волнительный, и окрылённый одновременно.

Он мог наконец-то увидеть печать. Он мог наконец-то вломиться в печать.

Всё в этой ситуации было нетакнетакнетак, но теперь Курама мог видеть свой первый шаг на пути наружу.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500351>